

Во Франш-Конте первые сборища начались в Лонс-ле-Сонье 19 июля, когда узнали о подготовлявшемся перевороте в Париже и об отставке Неккера, но о взятии Бастилии, по словам Соммье¹, еще ничего не было известно. Крестьяне стали собираться толпами, и в тот же день буржуазия вооружила свою милицию, носившую трехцветную кокарду, чтобы сопротивляться «набегам разбойников, наводнивших страну»². Вскоре в деревнях началось восстание. Крестьяне стали делить между собой помещичьи луга и леса, иногда заставляли помещиков отказываться от своих прав на те земли, которые прежде принадлежали общинам, или же отбирали у помещиков леса, бывшие в старину общинными. Все те имущества, которыми владело в соседних местностях аббатство Бернардинов, были у него отняты³. В Кастре бунты начались после 4 августа. В этом городе с каждого *сетье* (четверти) хлеба, ввезенного из какой-нибудь другой провинции, взимался налог натурой. Это было старое феодальное право, которое король отдавал на откуп частным лицам. И вот как только 19 августа в Кастре получилось известие о ночи 4 августа, народ поднялся и стал требовать отмены этого налога. И тотчас же буржуазия, еще с 5 августа собравшая национальную гвардию из 600 человек, принялась восстанавливать «порядок». Между тем по деревням движение разрасталось; замки Гэ и Монледье, картезианский монастырь Фэ, аббатство Виельмюр и другие были разграблены, и феодальные хартии уничтожены⁴.

В Оверни крестьяне очень старались показать, что законное право на их стороне: когда они являлись в какой-нибудь замок, чтобы жечь хартии и уставные грамоты, они всегда заявляли помещику, что действуют по приказу короля⁵. Но и в восточных провинциях прямо говорилось, что третье сословие не позволяет больше дворянству и монахам господствовать над собой. И без того слишком долго держали они власть в своих руках; теперь же им пришлось отказаться от нее. Ко многим обедневшим помещикам, жившим по деревням, и к тем, которые пользовались любовью окрестного населения, восставшие крестьяне относились очень мягко. Они не делали им никакого зла, не трогали их личной собственности, но к земельным записям и к документам, устанавливавшим феодальные права, они были неумолимы. Их они сжигали, заставив предварительно помещика клятвенно заявить, что он отказывается от своих прав.

Подобно городской буржуазии, отлично знавшей, чего она хочет и чего ждет от революции, крестьяне тоже отлично понимали свою цель: вернуть себе отнятые у общин земли и отменить все повинности, возникшие на почве крепостного строя. Мысль о том, что вообще богатые должны исчезнуть, может быть, проглядывала кое-где; но в общем крестьяне уничтожали только вещи, людей же не трогали. Если и встречались нападения на самих помещиков, то это были единичные случаи, обыкновенно объяснявшиеся тем, что крестьяне считали того или другого помещика скупщиком, спекулирующим на голоде. Если помещик выдавал крестьянам земельные росписи и заявлял о своем добровольном отказе от феодальных прав, все обходилось мирно; росписи сжигали, в деревне сажали «майское дерево», к ветвям которого привешивали разные эмблемы феодализма, и народ танцевал вокруг дерева⁶. В противном же случае, если крестьяне встречали сопротивление или если помещик или его управляющий обращались к властям, дело кончалось вооруженным нападением; тогда в замке все бывало разгромлено, и сам замок часто поджигали. В Дофине было таким образом разграблено и сожжено 30

¹ *Sommier A.* Histoire de la Revolution dans le Jura. Paris, 1846, p. 22 Из одной песни, приведенной в наказе Аваля, видно, каково было настроение умов в Юпе.

² *Ibid.*, p. 24–25.

³ *Clerc E.* Essai sur l'histoire de la Franche-Comte. Besancon, 1870.

⁴ *Combes A.* Histoire de la ville de Castres et de ses environs pendant la Revolution francaise (1789–1804). Castres, 1875.

⁵ Ксавье Ру, издавший в 1891 г. под заглавием Записка о грабежах в Дофине (*Roux X.* Memoire sur la marche des brigandages dans le Dauphine en 1789. Paris, 1891) сведения, полученные при следствии 1789 г., приписывает в своем введении все движение зачинщикам: «Призывать прямо народ к восстанию против короля было бы бесполезно, — говорит он. — Это было сделано окольным путем. Был задуман удивительно смелый план, и этот план был осуществлен по всей стране. Его можно изложить в двух словах: возмутить именем короля народ против помещиков; затем, когда помещики будут низвергнуты, броситься на оставшийся беззащитным трон и разрушить его» (*Ibid.*, p. IV). Укажем на признание самого Ру, что ни одному следствию ни разу не удалось «узнать имя хотя бы одного зачинщика» (p. V). Если это был «заговор», то это был заговор всего народа.

⁶ Иногда, а именно на юге, к дереву привешивали надпись: «По приказу короля и Национального собрания, окончательное уничтожение всякой аренды» (*Mary-Lafon J. B.* Histoire politique, religieuse et litteraire du Midi de la France, v. 1–4. Paris. 1842–1845, v. 4, p. 377).